

Он смотрел в потолок, который оказался прозрачным, причем с дырой посреди купола, и силился понять, что же он такое видит. Небо, стремительно темнеющее, расцветилось мириадами звезд, складывающимися в совершенно незнакомые узоры, а прямо над ним одна особенно крупная мерцала и постоянно меняла цвет, вызывая в памяти боль.

Дальше стало не до этого, потому что звезды врезались прямо в него, надежно выбрасывая из реальности в неизвестность. Парень лежал на покрытом пылью алтаре, трясся и медленно, но совершенно необратимо менялся.

Следующее пробуждение было просто кошмарным. Парень корчился на странно горячем камне и орал, захлебываясь раздирающими мозг на части образами. Мир и война, святые и чудовища, кровь и милосердие. Сила. Его рвало кровью, он хрипел, бился в конвульсиях под чуждым и чужим равнодушным взглядом, пока не потерял сознание под давлением нахлынувшей информации, перегрузившей разум.

Третий раз оказался... спокойным. Он с трудом разлепил глаза, пальцами сдирая засохшую кровавую корку, прокашлялся и вновь уставился на небо. Звезды сияли все так же ярко, а вот та самая звезда отсутствовала. Видимо, растворилась, сделав свое черное дело. Или поселился в голове — последняя ощущалась странно тяжелой, пустой и гулкой, только по сознанию медленно что-то отзывалось. Поэтому он склонялся к последней версии — уж очень странно он себя чувствовал.

Мир стал... больше. Как и сам он. Начать стоило с того, что цвета налились яркостью. Он прекрасно видел в темноте, даже самые дальние и темные углы, слышал шорохи, складывающиеся в топот крохотных лапок и шуршание чешуи, но самое главное, он ощущал биение жизни. Мир стал огромным и живым. А еще мертвым.

Прямо под ним был могильник, и он знал, что лежат там мумифицированные трупы Итшек, ровно шестьсот шестьдесят шесть и замучены эти бедолаги были как раз на том самом алтаре, на котором сейчас валяется сам он. И произошло это очень давно.

Пить хотелось страшно. Парень выпутался из пальто, слез с алтаря, больно брякнувшись на каменный пол, с огромным трудом встал, шатаясь, и крайне неторопливо поковылял куда-то вперед. Ровно через девять с половиной шагов он упал на колени, а потом лег на пол, засунув лицо в нечто вроде широкой плоской чаши, наполненной водой, журчание которой сводило его с ума. Мир расслаивался на части и вновь собирался в единое целое, пил и плевать хотел на то, что когда-то в эту чашу собирали жертвенную кровь. Века назад. Вот прямо сейчас... Он умылся, яростно отфыркиваясь, наслаждаясь каждой секундой, пока рядом с ним призраки резали друг друга, проморгался, снова напился — вода очищалась быстро, куда-то утекая — и поковылял обратно.

Как ни странно, спалось на алтаре превосходно, невзирая на оседающие в расслабившихся мозгах знания. Гул голосов раскладывался на слова, мешанина символов — на буквы, непонятные действия — на обычаи и нормы поведения. Храм, долгие века принадлежавший сильному роду, щедро делился с так внезапно свалившимся гостем впитанными отпечатками личностей владельцев; обступившие валяющегося в трансе иницилирующегося провидца призраки тянули к нему руки, изливая свои знания, умения, характеры и желания.

Они отдавали самих себя, медленно истаивая и уходя на перерождение, а трясущийся на алтаре пришелец менялся, все больше приобретая то что не надо было освобождать.

Четвертое пробуждение было... обыденным. Давно уже так себя хорошо не чувствовал: голова

не болела, тело ощущалось идеально здоровым и послушным его воле, как тщательно откалиброванный и отлаженный механизм, Сила текла свободно, щедрым могучим потоком проходя сквозь него, чему парень даже не удивился. Пальцы сами собой сложились в благодарственный жест, Ваня отсалютовал в пространство, пробормотал краткую благодарственную молитву Тьме и задумался.

Мысли текли лениво, четкими логическими цепочками, переплетаясь между собой. Без капли удивления он принял тот факт, что находится не на родной планете и возврата назад не будет, что вокруг него — центр абсолютно чужой цивилизации и культуры, что отлично понимает высеченные угловатыми символами пылающие алым светом надписи на стенах, что безвозвратно изменился.

Быть искателем приключений Беннету было нелегко, но ему наверное впервые в жизни повезло ведь он нашел нетронутые руины. Найти нетронутые сокровища был как нельзя соблазнительным и наплевав на чувство опасности он с готовностью спустился в них.

Осторожно спускаясь по верёвке, он всматривался в окружающее пространство.

Тишина. Лишь изредка в этом месте были слышны звуки падающих капель, шорох пыли, гоняемой сквозняком... И ничего больше.

Опустившись на каменные плиты пола, он замер, вслушиваясь в тишину. Здесь, она может быть опасной, ведь если ты не слышишь свиста стрелы, выпущенной в тебя. То это значит, что летит она точно в цель — в тебя.

Пройдя около половины пути до лестницы, он почувствовал сильный всплеск чего-то...

Через десяток шагов он понял всю ошибочность своего мнения — ему на встречу летел маг бездны.

С хилирчулами, он бы справился. Для этого не требуется ни особых силёнок, ни ума.

Как ни удивительно, но он побежал, но зато живым! Быть мёртвым героем сверкающих доспехах и дыркой в грудной пластине брони ему не хочется. Да никто и не оценит этого — во-первых, отцы будут горевать, во-вторых, как бы он не был, невезуч но смерть всегда обходило его стороной. Самое главное добраться до выхода, а там его ждёт сюрприз. Вот только посмотрев назад он об что-то ударился и упал на пятую точку. Подняв свои глаза он увидел странного человека который также посмотрел на него. И лучше бы он этого не делал ведь когда ронин взглянул ему в глаза он увидел что-то такое жёсткое и древнее и не выдержив этот наплыв он отрубился, оставив его и монстра одних. Вот только кто из них еще монстр...